

УДК 316.4

DOI: 10.17223/1998863X/47/17

Н.П. Лукина, П.В. Сазонова

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РАМКАХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Рассмотрена трансформация семейных отношений в рамках шестого технологического уклада информационного общества и раскрыта важность их тематизации в современном социально-философском дискурсе. Семья как одна из центральных общественных систем отражает перемены, присущие шестому технологическому укладу, который возникает в результате становления информационного общества. Под современными трансформациями семьи понимается изменение представлений о браке, родительстве, функциях семьи в обществе.

Ключевые слова: информационное общество, технологический уклад, современная критическая теория, трансформация семейных отношений, deinституциализация семьи.

Понятие технологического уклада зарождается в рамках западной экономической науки. Соответствующая теория вписывается в эволюционную парадигму развития экономики, к разработке которой причастны такие исследователи, как К. Фримен, Р. Нельсон. Основоположники эволюционной экономики используют идею *естественногот отбора*, который формирует определенный *организационный генотип* развития экономики как перехода от одного технологического уклада к другому [1, 2]. Эволюционный подход к исследованию экономического развития предполагает проникновение в его внутреннюю логику, ритм и механизмы движущих факторов. Эволюционная парадигма творчески проинтерпретирована российским экономистом С.Ю. Глазьевым, отстаивающим идею социального развития как перехода от одного технологического уклада к другому через предпосылки. Автор рассматривает технологический уклад с привлечением обширных сведений по институциональной, поведенческой экономике с учетом социальных и психологических факторов. Технологический уклад – это группы технологических совокупностей, связанные друг с другом однотипными технологическими цепями и образующие воспроизвоящиеся целостности [3. С. 91]. Технологические нововведения, определяющие ядро и революционизирующие технологическую структуру экономики, являются ключевым фактором. Отрасли, использующие ключевой фактор и распространяющие новый технологический уклад, называются несущими отраслями или устойчивыми кластерами производства нового уклада. [Там же. С. 92–93]. Одновременно с этим в концепции С.Ю. Глазьева значительное внимание уделяется социальной инфраструктуре технологического уклада: культуре, науке, образованию, средствам массовой информации. Речь идет о встроенной в технологический уклад системе защиты воспроизводства человеческого капитала, самореализации человека. Глазьев выделяет пять технологических укладов, начиная отсчет от промышленной революции XVIII в., а также формирующейся в

настоящее время шестой уклад. Собственно экономике информационного общества соответствует пятый технологический уклад, временные границы которого обозначены 1970–2010-ми гг. Он представлен микроэлектроникой, программным обеспечением, робототехникой, новыми материалами. Шестой технологический уклад (2010–2050-е гг.) маркируется биотехнологиями, нанотехнологиями, системами искусственного интеллекта, глобальными информационными сетями. Здесь актуализируется тема инноваций в значении, которое им приписывается экономической традицией, т.е. трансформации научных изобретений в нововведения, позволяющие производить новые товары и получать дополнительные доходы. С шестым технологическим укладом связано представление о коренном антропологическом перевороте, этические, юридические, медицинские последствия которого активно обсуждаются. В частности, Ю. Хабермас и Ф. Фукуяма, размышляя об этических проблемах вторжения биотехнологий в человеческую природу, полагают, что свобода манипулирования природными субстанциями грозит человеческому достоинству как праву на отстаивание своей уникальности в условиях технических возможностей моделирования человека [4, 5].

Особенности технологического уклада информационного общества и его воздействия на семейные отношения невозможно эксплицировать, не ответив на вопрос о том, является ли это общество качественно новой моделью социальной системы или оно демонстрирует преемственность с индустриализмом и постиндустриализмом со всеми вытекающими отсюда характеристиками и противоречиями, присущими институту семьи. Мы придерживаемся второй точки зрения, артикулированной известными социальными теоретиками Г. Бехманном и Т. Шаниным. Г. Бехманн отмечает, что «информационное общество уместно рассматривать как информатизированное индустриальное общество, живущее по законам рыночной экономики» [6. С. 115]. А профессор Манчестерского университета Т. Шанин утверждает: «Эмпирической основой эпистемологии современных обществ является индустриализация с ее бесконечным удовлетворением все возрастающих потребностей при помощи увеличивающихся богатств, улучшения технологий, силы науки, всеобщего образования, индивидуальных свобод» [7. С. 111]. Соответственно, информационное общество имеет преимущество перед индустриальным обществом лишь в том, что использует новые возможности интеракции на основе информационно-коммуникационных технологий. Онтология информационного общества формируется в направлении поступательного движения человечества в рамках индустриального вектора, его фундаментальных мировоззренческих установок на прогресс, стандартизацию, унификацию, универсализацию. Значительная часть теорий информационного общества отражает технологический оптимизм, трансцендентность научно-технического прогресса по отношению к социуму, позитивное отношение к информационно-коммуникационным технологиям как определяющему фактору социальных преобразований.

Необходимо отметить наличие альтернативы индустриализму как сквозному укладу западного общества, сформулированной Т. Шаниным, который отстаивает концепцию эксполярной экономики как «второй, неформальной экономики», выпадающей из индустриальных схем. «Эксполярные типы экономической деятельности укоренены или растворены в широком контексте

человеческого взаимодействия... поэтому они более социальны, то есть определены нормами первичных сообществ и индивидуализированных выборов со стороны семей или индивидуальных участников» [7. С. 109–111]. Глубокая социальная укорененность подобных укладов, их жизнеспособность, по мнению Т. Шанина, должны стать предметом аналитического и идеологического откровения, поскольку им присуща гибкость в реагировании на спрос, передача опыта через социализацию детей в семейном бизнесе, а не бюрократический и юридический характер организации [Там же. С. 111, 115]. Возникает вопрос, какие идеологические и социокультурные смыслы заложены в понятии технологического уклада, если мы придерживаемся концепции индустриального вектора развития современного общества? В обозначенном исследовательском тренде концепт технологического уклада не выходит за рамки технико-технологических характеристик, обеспечивающих развитие в условиях перехода от фордистско-кейнсианской модели массового производства, поддерживаемого государством (1940–1980 гг.), к модели постфордистской, с установкой на всесилие новых технологий.

Таким образом, особенность технологического уклада информационного общества заключается в том, что его технико-технологическая структура вторглась в природу человека, инициируя ее качественные изменения. В этой связи не случайным оказывается совпадение во времени становления технологического уклада и обсуждения темы постчеловеческого существования как важнейшей социокультурной проблемы, втягивающей в свое пространство семейную тематику.

Семейные отношения причислены к тем социальным институтам, которые обладают четко выраженным аксиологическими параметрами. Ценностная система семейных отношений является также практически ориентированной программой, теоретическое оформление которой проникает в общественную дискуссию, темами которой оказываются ввопросы модернизации семьи, ее демографические характеристики, лежащие в основании успешности национальных экономик. Репродуктивная функция семьи связана с пониманием того, как упорядочивается социальная жизнь, каким образом институты и паттерны воспроизводятся во времени и обеспечивают непрерывность культурных традиций. В современном социально-гуманитарном дискурсе само определение понятия семьи становится проблематичным. В литературе признается разнообразие семейных конфигураций, в результате чего термин «семья» должен уступить место термину «семьи» во множественном числе. В современных исследованиях семья трактуется не как стабильный феномен, а как динамичный компонент общества, отражающий социальные, культурные, политические изменения. Во многих регионах мира традиционные семейные структуры переживают трансформацию, особенно в связи со стремлением женщин к большему равноправию.

На взаимосвязь между изменениями, испытываемыми институтом семьи, и более широким контекстом социетальных трансформаций обращали внимание многие социальные теоретики. На протяжении последнего столетия в академической науке идут дебаты по поводу ценностной характеристики изменений, наблюдавшихся в сфере семейно-родительских отношений. Традиция их квалификации в терминах «кризиса семьи» восходит к работе русско-американского социолога П. Сорокина «Кризис современной семьи». Со-

гласно мнению автора нуклеаризация семьи, снижение рождаемости, рост числа разводов и распространение практики одинокого родительства сигнализируют о том, что семья превращается «из цельного слитка во все более и более худеющую... и разваливающуюся храмину» [8] (цит. по: [9. С. 22]). Современный исследователь В.Н. Лексин [10] считает трансформацию семьи следствием распространения ценностей эгоистического индивидуализма, карьера и потребительства, девальвации родительского участия и заботы, утраты взаимных обязательств членов семьи по отношению друг к другу. Другие социальные теоретики, напротив, оценивают современные тенденции в оптимистической перспективе, видя в них предпосылки к формированию более свободных и равноправных биографических проектов в результате индивидуализации и рационализации современного общества [11–15] (см. также [16]). Так, Э. Гидденс убежден, что трансформация семьи должна осмысливаться как процесс конструирования новой этики повседневной жизни [14]. В понимании автора, семья – это в первую очередь форма отношений, основанная на взаимной заботе ее членов друг о друге вне зависимости от кровного родства, брака, наличия детей и социодемографических характеристик ее членов [17. С. 60]. В работе «Трансформация интимности» истоки трансформаций идеологии и практики семейных отношений Э. Гидденс рассматривает в контексте изменений более общего порядка, а именно в переходе общества к современным образцам производственно-экономических отношений. Так, модель традиционной расширенной семьи, характерная для доиндустриальной эпохи, была обусловлена экономическими функциями, которые выполняло домохозяйство, и вытекающей взаимозависимостью ее членов. Романтическую любовь и нуклеарную семью, создаваемую на ее основе, социолог считает продуктом индустриализации, когда в результате сокращения экономической роли семьи последняя превращается в партнерский союз, основанный на взаимной симпатии и эмоциональной близости партнеров, состоящих или нет в официальном браке. Современный брачный союз требует постоянных переговоров и «работы над собой» [14] и сохраняется до тех пор, пока в его рамках партнеры равны и обладают личной автономией, позволяющей каждому из них успешно реализовывать «рефлексивный проект самости».

Детализацию концепта технологического уклада в сформулированном семейно-ценностном аспекте содержат социально-философские исследования О. Тоффлера и С. Лэша. Первый использует понятие цивилизационного уклада, который возникает как результат технических мутаций, оказывающих революционное воздействие на социальный мир, качественно реформируя сферу труда, коммуникации, управления, досуга. Технологические изменения вызревают медленно, эволюционно, в терминологии О. Тоффлера, волнами, сопровождаясь при этом радикальными трансформациями социальных форм. О. Тоффлер подчеркивает, что для информационного общества (третьей волны) характерны «сильнейшие перемены, которые мы сейчас переживаем... и которые... не хаотичны и случайны; на самом деле они имеют четкую, хорошо различимую структуру... Предполагается, что эти перемены имеют кумулятивный характер, т.е. они суммируются с некоей гигантской трансформацией в соответствии с тем, как мы живем, трудимся, развлекаемся и мыслим» [18. С. 37]. В предисловии в книге Э. Гидденса социолог В.Ф. Анурин указывает, что сексуальная революция «является следствием и

одной из составных частей такого поистине гигантского явления, как глобальная индустриальная революция, и... выступает как своего рода завершающий этап ее. Индустриальная революция начинается... с технологической революции, что выражается в механизации производства, которое благодаря этому приобретает массовый характер. ... Впоследствии революционные преобразования постепенно охватывают и все другие сферы общественной жизни... происходит целый ряд политических революций, культурных революций, затем управлеченческих – революций менеджеров. В конце концов, революционные сдвиги охватывают и один из самых консервативных социальных институтов – брачно-семейный» [19. С. 10–11].

Британский философ С. Лэш пытается вернуть понятию информационного общества содержательный статус, опираясь на критический анализ технологического уклада данного типа социальной реальности. В результате становления информационного общества возникает новый технологический уклад жизни, затрагивающий развитие человека, его поведение, ценности и смыслы человеческого бытия [20. Р. 1]. Информация оказывается своеобразной точкой сбора технологического уклада информационного общества и одновременно категорией, составляющей ядро его теоретического анализа. С. Лэш показывает, как информация трансформирует современное общество на всех уровнях его структурной организации. Так, область социальных изменений связана с замещением социальных норм лабильными культурными ценностями, в то время как общество постепенно приобретает черты сообщества. Отмеченные тенденции дают автору основания для вывода, что информационное общество характеризуется нарастающей неопределенностью и иррациональностью [Ibid. Р. 2]. Парадоксальным в концепции С. Лэша представляется стремление соединить анархистские, индивидуалистические, субъективистские тенденции информационного общества с комплексными, структурирующими и организующими интенциями его технологического уклада. Однако данное противоречие вполне разрешимо, если, вооружившись логикой автора, рассматривать технологический уклад как внутренне запограммированный на качества индивидуализма и субъективности, реализация которых в социальном бытии невозможна без технологического сопровождения. С. Лэш настаивает на том, что социальность, формирующаяся в условиях дистанционной культуры, т.е. способа бытия-на-расстоянии, невозможна без технологических дополнений [Ibid. Р. 15]. Например, логика технологического уклада трансформирует природу современного домохозяйства, формулирует новые требования к его экономической и технической эффективности, связанной с понятием «умного дома», в котором энергоснабжение, утилизация отходов, обслуживание сложной инфраструктуры отдаются на откуп роботизированной системе управления, заменяющей принцип устройства домохозяйства в традиционной семье как экономической единицы, основанной на взаимозависимости ее членов. В этом плане описанная Т. Шаниным модель эксполярной экономики с ее эмоциональным человеческим взаимодействием внутри семьи как экономической единицы общества, ответственной за социализацию ее членов и передачу опыта, представляется актуальной альтернативой развитию семейных отношений.

Таким образом, информационное общество, становясь более субъективированным, в то же время не утрачивает, а усиливает свои технологические

чертты. «В информационном обществе средства производства уступают свое центральное место инструментам коммуникации, а производственные отношения – отношениям, возникающим в процессе общения» [20. Р. 112]. Какие опасности содержит в себе технологический уклад информационного общества в отношении института семьи? По образному замечанию У. Бека, индивидуализация, сделав мужчину и женщину по отдельности единицами воспроизводства социальных отношений, проникает внутрь семьи, делает ее неустойчивой, превращает в «затяжное жонглирование многочисленными устремленными в разные стороны амбициями, касающимися профессии, образования, воспитания детей и одинакового участия в ведении домашнего хозяйства» [12. С. 67]. В понимании С. Лэша, концепция информационного общества сопрягается не с его апологией, а с критикой, поскольку в нем имеет место смешение всех традиционных категорий и ценностей, что дезориентирует человека и подчиняет его действию нечеловеческих сил и обстоятельств, в которых скрыта идеология технологического уклада.

Концептуализация технологического уклада в теориях С.Ю. Глазьева, О. Тоффлера и С. Лэша с разных позиций раскрывает его методологический потенциал, выходя за пределы технико-технологических параметров функционирования информационного общества, и утверждает, что распространение нового технологического уклада кардинальным образом меняет всю систему глобальных социально-экономических процессов.

Современное общество все больше признает и принимает разнообразие семейных и партнерских отношений, тем самым мультилицируя их формы [21. Р. 6], что, в свою очередь, имеет ярко выраженные последствия для глобальной экономики и культурного ландшафта [22]. В рамках современной модели нуклеарной семьи партнерские отношения отделяются от остальных аспектов организации семьи и становятся ключевым условием существования семейного союза [23]. В отечественной традиции данная модель семьи получила название супружеской постсовременной моногамной семьи [24] (см. также [25]), где отношения с детьми выполняют роль надстройки [16] и основаны на идее формирования индивидуальности человека. При этом, добавляет Ж. Чернова [26], современное родительство становится гендерно нейтральным, предполагает многообразие поведенческих и ценностных образцов и приобретает договорной характер. С другой стороны, подчеркивая амбивалентность процессов, протекающих в семье, А. Шадрина [22] обращает внимание на замечание о том, что современная семья все чаще представляет собой различные конфигурации союзов, строящихся вокруг матери и ребенка. Важным социокультурным и экономическим феноменом стало распространение практики одиночного проживания: например, в США в 2010-х гг. проживает около 18 миллионов одиноких женщин и 14 миллионов одиноких мужчин, под нужды и потребности которых сегодня подстраивается рынок товаров и услуг [27] (цит. по: [17. С. 38]). Другое заслуживающее внимания явление – это распространение «не романически значимых» отношений [28] (цит. по: [17. С. 22]), основанных на ведении совместного домохозяйства людьми, не состоящими в традиционных партнерских отношениях.

Завершая анализ, сформулируем следующие выводы.

В современном мире трансформациям подвержены как представления, так и практики в сфере брачного поведения, родительства, любви, интимно-

сти [29]. При этом, как отмечает социолог Ф. Уиллиамс, изменения в семье находятся в динамичной взаимосвязи с трансформациями экономического, социального, культурного и демографического характера [21. Р. 11]. Среди них – возросшее участие женщин на рынке труда, рост затрат на содержание домашнего хозяйства, увеличение периода финансовой зависимости от родителей молодого поколения, хрупкость и кратковременность брачных союзов, смешение традиций и рост разнообразия семейных форматов в условиях процессов мультикультурализма и глобализации. Социальная теория, исследующая отмеченные тенденции, приобретает форму критической теории, интенция которой развернута в сторону анализа явного несоответствия шестого технологического уклада нормам разума и гуманизма. Главная опасность в рамках критического дискурса расценивается как рассогласование векторов технологического и гуманитарного развития информационного общества. Критика его технологических проекций является свидетельством сдвига традиционной социогуманитарной парадигмы в сторону исследования законов развития человека, фундаментальных ценностей и смыслов его жизни, основополагающих структур самоидентичности, реализующихся в институте семьи. Наметившиеся критические тенденции в исследовании технологического уклада информационного общества в контексте его влияния на трансформации семейных отношений лежат в русле понимания того обстоятельства, что социальное развитие происходит не только благодаря техническим прорывам и инновациям, но и должно совпадать с органикой социокультурного процесса.

Литература

1. Nelson R.R., Winter S.G. Evolutionary Theory of Economic Change. Cambridge, 1982.
2. Freeman K., Louca F. As time goes by: From The Industrial Revolution to the Information Revolution. 2002.
3. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М. : Экономика, 2010.
4. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М. : Весь мир, 2002.
5. Fukuyama F. Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution. 2002.
6. Бехманн Г. Общество знания – краткий обзор теоретических поисков // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 113–126.
7. Шанин Т. Формы хозяйства вне систем // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 109–115.
8. Сорокин П.А. Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал литературы, науки, общественной жизни. 1916. № 3.
9. Носкова А.В. Семейная тематика в европейской социологии // Социологические исследования. 2012. № 3. С. 21–27.
10. Лексин В.Н. Государственная семейная политика и обычная русская семья // Общественные науки и современность. 2010. № 2. С. 57–69.
11. Бауман З. Текущая современность. Питер, 2008.
12. Бек У. От индустриального общества к обществу риска // Theory, Culture and Society. 1992. Т. 9, № 1. С. 97–123.
13. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000.
14. Гидденс Э. Трансформации интимности. СПб. : Питер, 2004.
15. Beck U., Beck-Gernsheim E. Families in a runaway world // The Blackwell companion to the sociology of families. 2004. С. 499–514.
16. Шпаковская Л.Л. Политика институциализации и практики приватизации семейной жизни: партнерство и брак в России // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10, № 3. С. 309–322.
17. Шадрина А. Не замужем : Секс, любовь и семья за пределами брака. М. : Новое литературное обозрение, 2014.
18. Тоффлер Э. Третья волна : пер. с англ. М. : ACT, 2002.

19. Анурин В. Сексуальная революция на марше // Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб. : Питер. 2004. С. 7–28.
20. Lash S. Critique of Information. London; Thousand Oaks (Ca) : Sage Publications, 2002.
21. Williams F. Rethinking families. London : Calouste Gulbenkian Foundation, 2004.
22. Шадрина А. Дорогие дети: сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке. М. : Новое литературное обозрение, 2017.
23. Тармаковская И.Н. Э. Гидденс. Трансформации интимности // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 214–219.
24. Кузьмина К.А. Трансформация модели семьи и потребностей в социальной защите в условиях социально-демографических и социально-экономических перемен // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6, № 2.
25. Голод С.И., Клецин А.А. Состояние и перспективы развития семьи: теоретико-типологический анализ, эмпирическое обоснование. СПб. : Санкт-Петербургский филиал Ин-та социологии РАН, 1994. № 3.
26. Чернова Ж.В. Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
27. Klinenberg E. Going solo: The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone. New York : The Penguin Press, 2012.
28. Clark L. The Roommate Revolution: Why Living Alone is Overrated // Yes! Magazine. 2011. Sep. 19. URL: <http://www.yesmagazine.org/happiness/the-roommate-revolution-why-living-alone-is-overrated> (дата обращения: 31.07.2013).
29. Ridley P. Preface // Williams F. Rethinking families. London : Calouste Gulbenkian Foundation, 2004. P. 5.

Nelli P. Lukina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: lukinap1@gmail.com

Polina V. Sazonova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Goethe University (Frankfurt, Germany).

E-mail: lukinapv@rambler.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 47. pp. 158–167.

DOI: 10.17223/1998863X/47/17

TRANSFORMATION OF FAMILY RELATIONS WITHIN THE TECHNOLOGICAL STRUCTURE OF THE INFORMATION SOCIETY

Keywords: information society; technological structure; modern critical theory; transformation of family relations; deinstitutualization of family.

The article attempts to clarify the theoretical and methodological potential of the concept of the technological structure of the information society in understanding the direction and nature of the transformation of family relations during the transformation of modern social reality. The problem situation, which is articulated within the socio-philosophical reflection, involves searching for answers to the following questions: What is the ontological and axiological orientation of modern social processes within the framework of the sixth technological revolution? How does the technological development affect the transformation of social reality? The aim of the research is to explain the narrowness of technocratic approaches in understanding the specifics of the technological structure of the information society exclusively in technical and technological projections, ignoring the anthropological, socio-cultural, axiological aspects of its functioning. The objectives of the research are as follows: a categorical analysis of the concepts of the technological structure and family relations; identification of the relationship between the shifts in the family and the broader context of societal transformations, articulated by Pitirim Sorokin, Ulrich Beck, Anthony Giddens, Alvin Toffler, Scott Lash. At the core of the modern technological structure are technological innovations, revolutionizing the economy and becoming a sustainable cluster of production. The key factors of its development are biotechnology, nanotechnology, and artificial intelligence. Social infrastructure is incorporated into the technological structure as a system of reproduction of human capital and is represented by culture, science, education, and media. The modern family is one of the central social systems, which is undergoing transformations as a result of the influence of the technological structure of the information society, whose ontology has a communicative nature. It is shown that critical reflection on the impact of the technological structure of the information society on the transformation of family relations reveals the ten-

dency that social development occurs through technical breakthroughs and innovations, but must correlate with the nature of the socio-cultural processes as well.

References

1. Nelson, R.R. & Winter, S.G. (1982) *Evolutionary Theory of Economic Change*. Cambridge: Belknap Press.
2. Freeman, K. & Louca, F. (2002) *As time goes by: From The Industrial Revolution to the Information Revolution*. Oxford University Press.
3. Glaziev, S.Yu. (2010) *Strategiya operezhayushchego razvitiya Rossii v usloviyakh global'nogo krizisa* [The strategy of advanced development of Russia in the context of the global crisis]. Moscow: Ekonomika.
4. Habermas, J. (2002) *Budushchchee chelovecheskoy prirody* [The Future of Human Nature]. Translated from German. Moscow: Ves' mir.
5. Fukuyama, F. (2002) *Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution*. Picador.
6. Bekhmann, G. (2010) Obshchestvo znaniya – kratkiy obzor teoreticheskikh poiskov [Knowledge Society – a brief overview of theoretical searches]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 113–126.
7. Shanin, T. (1990) Formy khozyaystva vne system [Business patterns outside systems]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 109–115.
8. Sorokin, P.A. (1916) Krizis sovremennoy sem'i [The crisis of the modern family]. *Ezhemesyachnyy zhurnal literatury, nauki, obshchestvennoy zhizni*. 3.
9. Noskova, A.V. (2012) Semeynaya tematika v evropeyskoy sotsiologii [Family themes in European sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 3. pp. 21–27.
10. Leksin, V.N. (2010) Gosudarstvennaya semeynaya politika i obychnaya russkaya sem'yia [State family policy and an ordinary Russian family]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 2. pp. 57–69.
11. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. Translated from English by S. Komarov, Yu. Asochakov. St. Petersburg: Piter.
12. Beck, U. (1992) Ot industrial'nogo obshchestva k obshchestvu riska [From industrial society to the risk society]. *Theory, Culture and Society*. 9(1). pp. 97–123.
13. Beck, U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society. On the way to another modernity]. Translated from German by V. Sedelnik, N. Fedorova. Moscow: Progress-Traditsiya.
14. Giddens, E. (2004) *Transformatsii intimnosti* [The Transformation of Intimacy]. Translated from English by V. Anurin. St. Petersburg: Piter.
15. Beck, U. & Beck-Gernsheim, E. (2004) Families in a runaway world. In: Scott, J., Treas, J. & Richards, M. (eds) *The Blackwell Companion to the Sociology of Families*. Blackwell Publishing Ltd. pp. 499–514. DOI: 10.1002/9780470999004.ch28
16. Shpakovskaya, L.L. (2012) Institutionalization Policies and Privatization Practices of Family Life: Partnership and Marriage in Russia. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – Journal of Social Policy Studies*. 10(3). pp. 309–322. (In Russian).
17. Shadrina, A. (2014) *Ne zamuzhem: seks, lyubov' i sem'ya za predelami braka* [Not married: sex, love and family outside of marriage]. Moscow: NLO.
18. Toffler, E. (2002) *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Translated from English by S. Barabanov et al. Moscow: AST.
19. Anurin, V. (2004) Seksual'naya revolyutsiya na marshe [The sexual revolution on the march]. In: Giddens, E. *Transformatsiya intimnosti* [The Transformation of Intimacy]. Translated from English by V. Anurin. St. Petersburg: Piter. pp. 7–28.
20. Lash, S. (2002) *Critique of Information*. London; Thousand Oaks (Ca): Sage Publications.
21. Williams, F. (2004) *Rethinking Families*. London: Calouste Gulbenkian Foundation.
22. Shadrina, A. (2017) *Dorogie deti: sokrashchenie rozhdaemosti i rost "tseny" materinstva v XXI veke* [Dear children: a reduction in the birth rate and an increase in the “price” of motherhood in the 21st century]. Moscow: NLO.
23. Tartakovskaya, I.N. (1995) E. Giddens. Transformatsii intimnosti [The Transformations of Intimacy]. *Sotsiologicheskiy zhurnal – Sociological Journal*. 4. pp. 214–219.
24. Kuzmina, K.A. (2008) Transformatsiya modeli sem'i i potrebnostey v sotsial'noy zashchite v usloviyakh sotsial'no-demograficheskikh i sotsial'no-ekonomiceskikh peremen [Transformation of the family model and needs for social protection in the conditions of socio-demographic and socio-economic changes]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – Journal of Social Policy Studies*. 6(2).

25. Golod, S.I. & Kletsin, A.A. (1994) *Sostoyanie i perspektivy razvitiya sem'i: teoretiko-tipologicheskiy analiz, empiricheskoe obosnovanie* [The state and prospects of family development: a theoretical and typological analysis, empirical evidence]. St. Petersburg: St. Petersburg Branch of the Institute of Sociology, RAS.
26. Chernova, Zh.V. (2013) *Sem'ya kak politicheskiy vopros: gosudarstvennyy proekt i praktiki privatnosti* [The family as a political issue: State project and privacy practices]. St. Petersburg: European University Press in St. Petersburg.
27. Klinenberg, E. (2012) *Going solo: The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone*. New York: The Penguin Press.
28. Clark, L. (2011) The Roommate Revolution: Why Living Alone is Overrated. *Yes! Magazine*. 19th September. [Online] Available from: <http://www.yesmagazine.org/happiness/the-roommate-revolution-why-living-alone-is-overrated>. (Accessed: 31st July 2013).
29. Ridley, P. (2004) Preface. In: Williams, F. *Rethinking Families*. London: Calouste Gulbenkian Foundation. p. 5.